

А
Анатолий Федорович Кони

А. Н. Островский

(*Отрывочные воспоминания*)

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

Несмотря на признаваемое мною огромное художественное и общественное значение произведений А. Н. Островского и неизгладимое впечатление, оставленное во мне некоторыми из них в сценическом исполнении, мои личные воспоминания о нем весьма невелики. Моя сознательная юность совпала со второю половиной пятидесятих годов прошлого столетия, со временем особого оживления литературы после ледящего гнета последнего десятилетия перед тем. В обществе жило и с каждым днем расширялось предчувствие неизбежности великих реформ, которые должны были коснуться уклада русской бытовой жизни, заглянув в ту область, которая заслонялась тем, что Иван Аксаков метко назвал общественной и государственной "фасадностью". Первая и главнейшая из этих реформ -- отмена крепостного права, с каждым днем приобретала реальную осуществимость, а в области словесности каждый год приносил произведения, составляющие до сих пор драгоценные перлы нашей литературы. Достаточно указать на "Обломова" в полном виде, на "Дворянское гнездо", "Рудина", "Тысячу душ" Писемского и др. С того времени прошло более чем шестьдесят лет, но и до сих пор, после многого пережитого в той же области, мне светят и меня греют воспоминания о тех далеких днях, когда приходилось с нетерпеливым и жадным волнением добывать и раскрывать книжку журнала, где бывали помещены такие произведения. Они рисовали и уясняли нам, молодежи, многие стороны ушедшей в прошлое действительности и своими яркими красками давали почувствовать желанное и, казалось, так возможное светлое будущее родины. Имена Тургенева, Гончарова, Некрасова были нам особенно дороги, но Островский был довольно чужд. Этому было несколько причин. Те его пьесы, которые изредка приходилось видеть на сцене в Петербурге, давались без серьезного к ним отношения, с крайними преувеличениями их комического оттенка, причем одна из лучших его комедий, создавшая ему громкую известность -- "Свои люди -- сочтемся", была допущена на сцену лишь в самом конце пятидесятих годов, и притом с искаженным, по цензурным соображениям, концом. Бытовая драма медленно завоевывала себе театральные подмостки, приучившие публику к представлениям ложнопатриотического характера, к сентиментальной мелодраме и к водевилю, постепенно уступившему место оперетке, едва ли содействовавшей развитию вкуса зрителей. Того глубокого понимания смысла и значения произведений Островского, какой представляла московская сцена, тут не было и в помине. Из-за потешно и часто карикатурно представленных положений в среде, весьма далекой от петербургской бюрократической жизни, не выглядывала, несмотря на присущую ей своеобразность, человеческая личность с ее глубокими, то мрачными, то трогательными, свойствами в ее житейском укладе. Вместе с тем почти исключительное сотрудничество Островского в "Москвитянине", его близость с "молодой редакцией" последнего и восторженные отзывы со стороны так мало понятого в свое время Аполлона Григорьева, очень не нравились петербургской критике, ставившей на первый план не художественность, а публицистическое направление произведений. Старый московский горячий спор западников и славянофилов принимал здесь новую форму, и близость Островского со славянофильским кружком -- "ein кружок... in der Stadt Moskau" {"В городе Москве" (нем.).} -- считалась признаком отсталости и равнодушия к общественным интересам, размеры и свойства служения которым, а не художественная разработка житейской правды служили мерилom для оценки писателя. Голос Григорьева, вдумчивого сторонника Островского, был для петербургской критики голосом вопиющего в пустыне. До появления "Грозы" сочувственные отзывы о произведениях Островского встречались редко среди пренебрежительных, а подчас даже и ругательных рецензий. Даже такая глубоко прочувствованная и содержательная вещь, как "Бедность не порок", была встречена глашатаями "истинных", то есть, в сущности, исключительно публицистических задач литературы, весьма неодобрительно. Автору "ставилось на вид", что он не ограничился бичующим изображением "самодурства", а позволил себе под обликом падшего и порочного русского человека раскрыть душу живу и найти в ней божью искру любви и сострадания, считая, как он сам выразился в письме к Погодину, что для права "исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее".

Особенно отличался в этом отношении поэт Щербина -- "грек Нежинский, но не Милетски", с

А